

Электронные публикации

Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН

[Собрания текстов](#) / [Библиотека литературы Древней Руси](#) / [Том 3](#) / [Вступление](#)

Вступление

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ В ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В этом томе собраны произведения, в основном имевшие познавательный интерес, но «познавательный» — в средневековом понимании. Средневековая познавательность отличалась от современной. Главное заключалось в истории. История же была прежде всего — Священная история, то есть в основном история, изложенная в Ветхом и Новом Заветах. Эта история восполнялась историей государства, к которой принадлежал сам читатель. Но начиналась она главным образом с момента принятия этим государством христианства. История языческого периода была не больше чем предуготовление к принятию христианства — главному этапу «исторического прозрения народа».

Главным в Священной истории было взаимоотношение Бога и человечества. История как бы творилась самим Богом, но не лишала человека ответственности за свои поступки.

Священная история была, как уже было сказано, зафиксирована в книгах Библии, но имела своими продолжениями исторические книги Византии и других христианских государств. Эти последние не имели для средневекового человека того высокого интереса, что история, заключенная в Библии, ибо в них не было той значительности, которую имело для любого средневекового человека каждое событие Библии или, что подчеркнем, событие, связанное с библейскими персонажами и библейской землей.

Можно сразу отметить ту территорию, на которой в первую очередь разворачивались все наиболее значительные события человеческой истории. Центр ее — Палестина, а в ней Иерусалим, и затем все остальное окружение — Египет, Малая Азия, страны Средиземноморья и Черноморья. Восток открывался для средневекового человека до границ похода Александра Македонского в Индию. Для русского читателя территория человеческой истории была раскрыта Повестью временных лет и особенно ее географическим описанием, начинавшимся с водораздела Восточно-Европейской равнины — «Оковского леса».

Естественно, что читателям Библии и исторических произведений «постбиблейского» характера хотелось углубить свои знания — особенно те, которые могли так или иначе раскрыть смысл уже известного из Священного писания.

Эту роль во многом и выполняли апокрифические (неканонические с точки зрения официальной церкви) сочинения, составлявшие немалую долю в репертуаре переводной литературы Древней Руси. Многие из них возникли в иудео-христианской и раннехристианской среде, связаны происхождением с учениями разных христианских общин. Через византийскую литературу в славянских переводах с греческого (а в ряде случаев непосредственно с древнееврейского и, может быть, сирийского) апокрифы попали и к древнерусским книжникам. Особенно много апокрифических подробностей Священной истории содержится в Толковой Палее. Другой путь знакомства древнерусского читателя с этими сюжетами — это рассказы паломников в Святую землю об увиденном. Так, игумен Даниила включил в свое знаменитое «Хождение» немало апокрифических легенд о библейских святых.

Появившись в раннехристианских культурах одновременно с формированием канона, апокрифические сочинения в жанровом плане часто соответствуют библейским книгам: на Руси были известны апокрифические Откровения (Видения), апокрифические Деяния, апокрифические Евангелия, а также апокрифические Жития. Понимание «апокрифического», «апокрифичности» менялось со временем. Поэтому случалось так, что произведения, запрещавшиеся церковью для чтения и переписывания, позже включались во вполне признанные сборники или своды (например, в Великие Минеи Четы митрополита Макария).

Познавательность, к которой в первую очередь было устремлено внимание средневекового читателя, отнюдь не ограничивалась историей и толкованием исторических событий. Чрезвычайно важно то различие, которое может быть отмечено между познанием средневековья и познанием современным.

Познание в средние века было по преимуществу словесным. Иногда познать новое явление означало прежде всего его назвать, отнести к той или иной категории явлений, определить его символический смысл. Символический же смысл определялся в основном его связью со священной историей человечества, в центре которой находится тайна воочеловечения Христа, спасающего людей. Вот почему для познавательного характера текста вполне достаточна была иногда вопросо-ответная форма («Слово о крестном древе» или «Беседа трех святителей»). Отсюда же афористическая форма раскрытия смысла явлений («Повесть об Акире Премудром»).

Вполне своеобразной была «мудрость» разрешения какой-либо загадки, сложного вопроса, запутывающего предложения. Сложный вопрос равнялся ловушке, и знание заключалось в том, чтобы уметь из этой ловушки не только выйти, но и озадачить самого вопрошающего. Тем самым вопросо-ответная форма «познавательных» произведений превращалась в своего рода состязание. Острота этих состязаний подкреплялась иногда угрозой лишения жизни проигравшему.

«Технический прием» ответа на неразрешимую загадку — умение ответить загадкой на загадку, умение парировать вопрос вопросом, отказаться от своего вопроса или от поставленной задачи соответственным усложнением вопроса для загадывающего, задающего свою задачу.

И еще одна черта, имеющая непосредственное отношение к литературному значению познавательных произведений Древней Руси: занимательность. Наука, знание не ограничивались в средние века тем, что мы называем эрудицией, или той непосредственной пользой, которую могли принести знания в практической деятельности. Знание обязательно должно было быть интересным и нравственно ценным. Отсюда популярность формы ранневизантийского приключенческого романа, типичным представителем которого является «Повесть о Евстафии Плакиде», обладающая всеми элементами приключенческого сюжета: нападениями морских пиратов, разъединением любящих, похищениями, случайными воссоединениями, в которых разлученные перед тем действующие лица долго не узнают друг друга и т. д. Все это, однако, оправдывалось религиозным смыслом, особой значимостью происшедшего и для действующих лиц, и для читателей.

Особое значение для всех этих произведений, которые мы условно можем назвать «познавательными», играла достоверность, — конечно, в ее средневековом понимании. Достоверность определялась в средние века многими признаками: прежде всего авторством какого-либо значительного лица, причем не было значительных писателей самих по себе — были значительные деятели церковной истории или, по крайней мере, — государственной истории. Им и приписывалось большинство произведений. Именно они, если и не написали то или иное произведение, то были рассказчиками излагаемых событий, участниками или свидетелями.

Естественно, что чем древнее было произведение, тем оно казалось достовернее, мы бы сказали «документальнее». Отсюда преобладающая роль в познавательных произведениях — переводных с греческого, а иногда и с древнееврейского. Перевод вызывал к себе доверие, едва ли не большее, чем то, что написано было по-русски или церковнославянски, хотя последний язык обладал также своего рода авторитетностью и превосходил в этом отношении язык русской деловой письменности. Последний язык был языком летописей и повестей из русской истории: тут он был более уместен.

Произведения познавательных жанров были исключительно долговечны. Они читались вплоть до XX века — особенно в последние два века в среде староверческой.

Исключительна долговечность познавательных произведений Древней Руси. В данном томе собраны произведения, начало активной жизни которых началось еще в домонгольской Руси — до ее завоевания татарами-монголами в XIII веке. И тем не менее многие из них продолжали интересовать читателей вплоть до XX века. Интересны они и для нас сейчас, но как произведения богатой фантазии. Читателей же древнерусской культуры они интересовали и по существу. В рассказываемое в них и во все, что говорилось в них в объяснение существующего, читатели древнерусской культуры верили и устанавливаемыми в них нравственными правилами жили.

Не могли убить интереса к ним и запреты, с разной степенью решительности налагаемые на эти произведения Церковью. А налагались эти запреты понятно почему: ведь во многих из этих произведений содержание было настолько фантастическим, что накрепко соединенные с Библией они могли разрушить веру и в то, что рассказывалось в последней.

Интересно, однако, что иконография Успения Божьей Матери, одного из самых почитаемых праздников и храмовых посвящений Древней Руси, полностью соответствовала рассказу («Слову») Иоанна Богослова об Успении: апостолы слетались к умирающей Богородице на облаках, ангел отрубал руки пытавшемуся осквернить погребение Афоне. Апокрифические детали проникали и в изображение схождения Христа во Ад. То же самое может быть отмечено и в иконографии Благовещения.

На «Сказание Агапия» о земном рае как на свидетельство очевидца ссылается новгородский архиепископ Василий Калика в своем послании тверскому епископу Федору.

Все это не просто свидетельства о доверии, а документы официального признания некоторых из апокрифов.

Д. С. Лихачев